

Б. М. Винников

Церковь Спаса Преображения в селе Остров – храм-памятник избавления Москвы от нашествия Мухаммед-Гирея в 1521 году

Храм Спаса Преображения в селе Остров, как и собор Василия Блаженного, и храм Вознесения Господня в Коломенском, входит в число наших величайших национальных исторических шедевров. Построенный из белого камня, он украшен не только традиционными кокошниками, но и деталями, нигде более не встречающимися в русском зодчестве. Этому храму посвящены работы историков архитектуры, краеведов и искусствоведов. Однако целый ряд вопросов, с ним связанный, до сих пор так и нашел четкого и ясного ответа. Привлечение обширного круга письменных источников и архивных материалов позволило прояснить многие обстоятельства появления этого шедевра древнерусского зодчества. Определим сначала хронологические рамки исследования.

Храм Спаса Преображения в подмосковном селе Остров Н. Д. Иванчин-Писарев приписывал руке Алевиза Нового и, таким образом, относил его сооружение к первой трети

XVI века¹. Этим же периодом атрибутирует его И. Э. Грабарь в «Истории русского искусства», изданной в 1910 г.: «Мы знаем с точностью только время постройки Коломенской

Храм Спаса Преображения в Острове. Вид с юго-востока

¹ Иванчин-Писарев Н. И. Прогулка по древнему Коломенскому уезду. М., 1843. С. 9, 61.

Храм Спаса Преображения в Остров. Карниз четверика

и приблизительно к тому же времени имеем основание приурочивать закладку Островской². Тогда же он обратил внимание на сходство романского карниза четверика храма Спаса Преображения в Острове с карнизами двух восточных приделов храма Троицы и Покрова на Рву: «Весь сложенный из белого камня Островский храм <...> принадлежит XVI веку; <...> фряжские элементы в расположении и расчленении карнизов и высоких

Храм Покрова на Рву.
Карниз юго-восточного придела – под кровлей галереи

цоколей, а также и в приеме “машикули” в карнизе шатра и в особенности в обработке двух круглых окон приделов, своеобразно, с добавкой элементов деревянной «рези», повторяющих мотив закомарных раковин Московского Архангельского собора и подкарнизных арочных закруглений типичного средневекового оттенка; <...> Близкий мотив обработки стен арочными впадинами применен к обработке стен угловых четвериков храма Василия Блаженного³.

Мотив этот, безусловно, имеет романское происхождение, что явилось основанием для предположений некоторых исследователей о совместной работе двух мастеров — русского и иностранца. Это весьма маловероятно. Большинство европейских аналогов подобных деталей относятся к XI–XII вв. В это же и в более позднее время, довольно точно «пропитированные» романские арочки встречаются в русских храмах Киева, Чернигова, Смоленска, Переяславля-Залесского. С XII в. пояс романских арочек появляется на карнизах глав всех псковских и новгородских храмов. В древнейших соборах, таких как Спасо-Преображенский Мирожского монастыря в Пскове и Софийский собор в Новгороде Великом, масштаб арок достаточно крупный; в XV–XVI вв. он уменьшается до тех размеров, которые мы видим на главах приделов Преображенского храма в Острове. Огромный вынос карниза четверика Преображенского храма в Острове вызван необходимостью конструктивно создать площадку для размещения 12-ти апостольских главок. Детальная прорисовка профилей карниза и укрупненных «романских» арок-машикулей здесь совершенно индивидуальна и прямых аналогов не имеет.

Вернемся к датировке храма. К началу XVI в. относил храм один из самых значительных в Европе историков искусства — Николай Львович Окунев, в статье, написанной в Праге в 1933 г.⁴ Наиболее ранним из сохранившихся шатровых храмов считает храм в селе Остров

² Православная Москва. Январь. С. 171.

³ Грабарь И. Э. История русского искусства. Том 01. Архитектура. Допетровская эпоха. М., 1910. С. 14.

⁴ Окунев Н. Л. Храм Спаса Преображения в с. Остров под Москвой. Цит. по: Храм-памятник в Брюсселе, М., 2005. С. 102.

Спасо-Преображенский собор Мирожского монастыря в Пскове

Ю. П. Спегальский, также относя его к началу XVI в. и считая его «псковским предшественником» храма Вознесения в Коломенском⁵. Архитектор-реставратор М. М. Ермолов пишет, что «шатровая церковь Преображения на самой высокой точке Островского холма была построена не позже первой трети XVI в.»⁶

Здесь не представляется возможным рассмотреть всю историю исследования храма, тем

более что это достаточно подробно сделано в недавней публикации А. Л. Баталова⁷. Однако, стилистические особенности архитектуры храма, как обоснование его датировки — это лишь одна грань изучения проблемы. Гораздо важнее понять причину, по которой он был построен, найти событие, в память которого был возведен этот мемориальный храм. В упомянутой работе А. Л. Баталова приведены чрезвычайно важные данные археологии. Раскопки, предпринятые М. Х. Алешковским в 1967 г., привели к выводу, что «стена “первоначальной” апсиды, выступающей на восток от существующей примерно на 75 см, <...> не была возведена, и должна считаться свидетельством незавершенного архитектурного замысла, измененного на этапе закладки церкви»⁸.

Или, иначе говоря, произошло нечто, заставившее на какое-то время прервать работы по строительству

дворцового велиокняжеского храма. А когда работы были возобновлены, произошедшие события привели к изменению самого замысла храма. Визуальный осмотр говорит о том, что главную ось храма после перерыва немного повернули по часовой стрелке, в результате чего юго-восточный угол южного придела стал нависать над заложенным ранее фундаментом, а северо-восточный угол северного придела, наоборот, отступил от края

Храм Спаса Преображения в Острове. Юго-восточный угол

Храм Спаса Преображения в Острове. Северо-восточный угол

⁵ Спегальский Ю. П. Избранные статьи. К 100-летию со дня рождения. Псков, 2009. С. 123.

⁶ Ермолов М. М. Неизвестный Остров. Архив наследия — 1999. Сб. статей. М., 2000. С. 126–157.

⁷ Баталов А. Л. Церковь Преображения Господня в селе Остров: вопросы датировки и происхождения мастеров // ДРИ: Художественная жизнь Пскова и искусство Поздневизантийской эпохи. К 600-летию со дня основания города. М., 2009. С. 353–359.

⁸ Там же. С. 356.

фундамента к центру. Поворот азимута главной оси может свидетельствовать об изменении посвящения престола и о повторном освящении основания. Ось построенного храма оказалась точно сориентирована на стоящий на противоположном берегу Москва-реки Никольский храм в селе Петровском и совпадает с азимутом восхода солнца в праздник Преображения Господня.

Здесь уместно отметить, что некоторое «несо-впадение плана фундамента и вымостки с планом стен здания» — явление не редкое. К примеру, П. А. Раппопорт, исследуя ряд смоленских памятников, пришел к выводу, что «строители XII—XIII вв. полагали нужным, чтобы фундамент, покрытый кирпичной вымосткой, простоял зиму и хорошо осел, прежде чем на нем начнут возводить кирпичные стены»⁹. Однако в таких случаях не наблюдалось столь серьезных расхождений плана основания и плана возведенного на нем храма, как это произошло в храме в Острове. Перерыв в строительстве велиокняжеского храма явно был не на одну зиму, и мог быть вызван только какими-то внешними, экстремальными обстоятельствами.

Летописи сохранили записи только об одном подобном событии: о нашествии в июле 1521 г. крымского хана Махмет-Гирея, при этом упоминается, что сын хана Салтан был с войском в подмосковном княжеском селе Остров¹⁰.

Первое упоминание Угрешского монастыря и тесно связанного с ним велиокняжеского села Остров в основном тексте «Истории государства Российского» относится к событиям 1521 г., когда к Москве подошли войска крымского царевича Махмет-Гирея и его родного брата, хана

Саип-Гирея. В VII томе Н. М. Карамзин пишет: «Сии два царя соединились под Коломною, опустошая все места, убивая, пленяя людей тысячами, оскверняя святыни храмов, злодействуя, как бывало в старину при Батые и Тохтамыше. Татары сожгли монастырь св. Николая на Угреше и любимое село Василиево, Остров, а в Воробьеве пили мед из велиокняжеских погребов, смотря на Москву». В примечании к этому месту дается выписка из Синодальной летописи о нашествии татарских ханов: «... и Коломенские места и Коширские и Боровские и Володимирские воеваша, и монастырь Николы на Угреше и Великого Князя любимое село Остров пожгоша...» Нападение закончилось мирными переговорами: с одной стороны, ханы убоялись неприступных московских укреплений и русского войска, которое собирали Василий III под Волоколамском; с другой стороны, великий князь московский также не хотел кровопролития¹¹.

Сообщает об этих событиях и Софийская Вторая летопись¹².

Как ни странно, но большинство летописей также крайне скучно, без каких-либо подробностей освещают причину ухода татарских войск. И только Никоновская летопись сообщает о намерении татар «скороспешно со всяким безрассудством достигнуть богохранимого града Москвы, и посады тщауся огнем запалити, но возбрани им божественная сила, не дала приблизиться им, и татары возвратишися, далеко до города не дойдя»¹³.

Как пишет д. и. н. С. В. Перевезенцев, «к сожалению, в тот раз все оказалось намного

⁹ Раппопорт П. А. Строительное производство Древней Руси (Х—XIII вв.). СПб., 1994. С. 114.

¹⁰ «Того же лета (7029, т.е. в 1521 г.) июля 28 день безбожный гордый крымский царь Магмед-Кирей забыл своея клятвы и правду, на ны воинствует, ни з дружбы с первыя, ни з даров безчисленых, ни клятв своих воспомянул, собрася своею братьею и своими детьми, и со всеми своими со многими крымскими людми, и Большия Орды Заволжская, и с нагаи, и вскоре безвестно прииде на великого князя вотчину. И при березе Оки реки с воинством пришед. И ту убьени быша воеводы великого князя Иван Шерemetев да князь Володимер Курбской Карамышов, да Яков да Юрьи Замятнины. И, преиде реку Оку, коломенская места повоевал и плен немал собрал, и на святыя церкви скверне поругался. <...> А сам царь стоял на Коломне на Северке две недели. А сын его Салтан богатырь с татары был под Москвою в великого князя селе в Острове. И на Угреше монастырь сожгли и много сел и деревень пожгли, и коширской посад пожгли». Постниковский летописец, ПСРЛ (Полное собрание русских летописей). Т. 34. С. 14.

¹¹ Цит. по: Егорова Е. Угреша в «Истории государства Российской» Карамзина // Официальный городской сайт муниципального образования «Городской округ Дзержинский» <http://www.ugresh.ru/arxiv/uv/2002/17/p38-1.htm>

¹² «Того же лета (7029) июля в 28, безбожный Крымский хан Махмет-Гирей <...> безвестно прииде на Великого князя отчизну. <...> Начал царь разорять Коломенские места, и разорил их, и многих взял в плен... А сам стоял на Северке (правый приток Москвы-реки) две недели, а войско свое распустил; и иные из них пришли изгоном к Острову, селу великого князя под Москвой, и на Угреше монастырь сожгли. А москвичи и пришедшие в Москву из уездов сидели в ту пору в городе, в осаде. Великий же князь ушел из Москвы на Волок и начал с воеводами и с людьми своими собирать войско. И узнал о том окаянный царь Махмет-Гирей, и вскоре ушел восвояси, не дожидаясь, пока великий князь соберет силы... Софийская Вторая летопись. ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1853. С. 263. Пер. на рус. яз. А. Ю. Карпова.

¹³ Никоновская летопись. ПСРЛ, Т.13. Спб, 1904. С. 38.

страшнее, нежели кратко описал летописец. По другим свидетельствам мы знаем, что и окрестности Москвы были сильно разорены, а крымчаки увезли с собой огромный полон. Но столичный город Махмет-Гирей взять так и не смог. И православный народ знал почему — Сама Божия Матерь явила Москве свое заступничество от Владимирской иконы Божией Матери. Недаром, несколько позднее, в память о чудесном спасении столицы от крымского нашествия был установлен еще один праздник в честь этой главной русской святыни — 21 мая (3 июня).¹⁴

Об этих событиях подробно пишет Л. А. Щенникова в книге «Святая Покровительница государства Российского»¹⁵.

Праздник 21 мая первоначально был связан с памятью поновления Владимирской иконы в 1514 г.¹⁶ Позднее его соотнесли с памятью

Ил. 12. Клеймо иконы «Богоматерь Владимирская» XVII в. Ярославский музей-заповедник

Владimirская икона. Прпп. Сергий Радонежский и Варлаам Хутынский и собор святителей

¹⁴ Перевезенцев С. В. Свято-Никольский Угрешский ставропигиальный мужской монастырь. М., 2004.

¹⁵ «В царствование Иоанна Грозного (1530–1584) по инициативе митрополита Макария (1543–1563) и, видимо, при его личном участии кремлевские летописцы и книжники составили несколько повестей, в которых знаменательные события недавнего прошлого были связаны с заступничеством Божией Матери через Ее чудотворную Владимирскую икону.

В первой повести духовно осмыслено и связано с заступничеством Пресвятой Богородицы через Ее чудотворную Владимирскую икону заключившееся поражение наступление крымского хана Магмет-Гирея, подошедшего в 1521 г. к Москве с крымскими, ногайскими и казанскими татарами, но, не дожидаясь встречи с войсками великого Московского князя Василия III, неожиданно ушедшего в степи (Соф. II лет., 1853, с. 263; Воскр. лет., 1859, с. 269). В повести, озглавленной “Знамение ужасно и преславно и како спасен бысть град Москва от нашествия безбожных татар иже к Богу молитвами Пречистыя Богородицы и великих чудотворцев русских...”, избавление “града Москвы” трактуется как “новейшая чудеса Богоматери и еже во дни наша содеявшася”, о которых сообщается “повелением господина нашего преосвященного Макария, митрополита всея Русии”.

В повести рассказывается, что во время “варварского нахождения” на Православие весь русский народ встал на молитву. Тогда же “дивный нагоходец праведный Василий” (Блаженный), проводивший ночи в усердных тайных молитвах, в одну из ночей пришел к соборной церкви, “идеже стояше самый чудотворный образ Богоматери, еже есть икона Владимирская, идеже чудотворный моши почиваху святых великих русских святителей Петра и Ионы и прочих”. Он встал у закрытых северных дверей, и, “восхитися умом”, удостоился необычайного видения — “не яко во сне... но наяве истинно...”. Он увидел открывшиеся церковные врата и “чудотворный образ Пречистая икона Владимирская, на своем месте стоя”. От иконы слышался глас: “Тако людие прогневаша безлобиваго Бога, яко Аз повелением Сына Своего с рускими чудотворцы хощем изыти из града сего”, и тотчас внутри церкви послышался великий шум.

Блаженный Василий и те праведники, которым Бог открыл духовные очи, созерцали страшное видение. Чудотворная икона Богоматери сошла со своего места; вся церковь наполнилась огнем, пламя выходило в двери и окна; потом огонь исчез.

За этим видением последовали и другие. Некая слепая ионкиня из Вознесенского монастыря, много лет проведшая в добродетельной жизни и достигшая глубокой старости, усердно молилась об избавлении от беды. Она сподобилась слышать и видеть “преславное чудо”: внезапно услышала великий шум, “яко вихорь страшен”, и звон великий, как от многих кремлевских колоколов. Она была “восхищена некоим Божественным мановением” посреди монастыря и увидела открывшимися “мысленными” и одновременно “чувственными” очами, и “не яко во сне, но наяве”, как во Флоровские (Спасские) ворота Кремля идет “световидный” собор достолепных муж во освященных одежах: многие митрополиты и с ними иные святителей и прочий священный собор и причет, — и с ними же зрится, якоже несом ими и самый чудотворный образ Богоматери, и честныя кресты, и прочия святыя иконы...”, как будто действо на литии. Святители уходили с образом Богоматери из города во Фроловские ворота. Среди них ионкиня узнала святителей Петра, Алексея, Ионы, Леонтия Ростовского и с ними многих других святителей и чудотворцев — “якоже на иконах пишутся велицы русии собори”.

В то же время одна отроковица увидела, как два “святолепных” мужа в монашеских одеждах — это были преподобные Сергий Радонежский и Варлаам Хутынский — быстро шли навстречу “собору” святых мужей. Они пали к ногам уходящих святителей и упросили их не покидать Москву, но еще усерднее молить Бога и Богородицу о помиловании согрешивших людей. Все вместе — святители и преподобные — со слезами молились перед чудотворным образом и, сотворив литию и молебные каноны, возвратились с Владимирской иконой в Кремль. В тот же день татары были изгнаны “представительством Пречистыя Богородицы и молитвами всех святых”». Щенникова Л. А. Святая Покровительница государства Российского. М., 1990. Интернет-издание «Татьянин день». <http://www.taday.ru/text/28384.html>.

¹⁶ Софийский временник. Ч. 2. С. 294–295; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. С. 254.

о чудесном избавлении от нашествия Махмет-Гирея в 1521 г. Б. М. Клосс полагает, что осмысление события 1521 г. как «новейшего чуда Богоматери» относится ко 2-й пол. XVI в., когда и был установлен праздник 21 мая¹⁷.

В «Степенной книге» описано чудесное видение татарами многочисленного русского воинства, приведшее их в ужас и обратившее в бегство¹⁸.

Именно эта защита свыше и отражена в образе Преображенского храма в Острове: четверик храма трактован как неприступный город-крепость, охраняемый небесным воинством. Тем самым Сонмом Сил Небесных, которое явилось татарам в виде Русского войска и которое традиционно символически изображается в русских храмах пирамидой кокошников. Но только такое количество — в Преображенском храме их более двухсот — явление редчайшее для русской архитектуры, что как раз и соответствует «неисчислому множеству» Сил Небесных.

Попробуем уточнить дату бегства татарского войска. В разных источниках указываются разные сроки пребывания татар под Москвой — и «две недели», и «десять дней». Владимирский летописец рассказывает об этом наиболее подробно. Согласно его свидетельству татары пришли 27 июля, а отошли 10 августа¹⁹. По другим летописям, царь Крымский «Оку перелез» 28 июля, а Разрядная книга называет другое число ухода — «Лета 7029-го <...> августа в 12 день, как царь пошол из земли назад...»²⁰

Если от этой даты, от 12 августа отсчитать назад 7 дней, то получим 5 августа, когда он «перешол Оку назад». Получается, что где-то между 3-м и 5-м августа и увидели татары «полны поля безчисленного множества Русского воинства...».

Но ведь 6 (19 по н.ст.) августа — это праздник Преображения Господня. И именно поэтому и новое освящение основания храма в Острове и, соответственно, разбивка его главной оси были сделаны в связи с новым посвящением храма Преображению Господня. А в церковном календаре осталась дата 21 мая (3 июня), связанная первоначально с поновлением (реставрацией) Владимирской иконы в 1514 г.

Таким образом, нашлась причина перерыва в строительстве храма, а новым посвящением храма объясняется его неповторимый образ. «Лета 7027 (в 1519 году) <...> То же весны жил князь велики в селе в своем в Острове от месяца майя до заговенья до Петрова»²¹. Наиболее вероятно, что пока Василий III жил рядом во дворце, стройка не начиналась. Основание храма было заложено, видимо, уже в следующий строительный сезон, летом 1520 г. А затем строительство было прервано в конце июля — начале августа 1521 г. набегом Магмет-Гирея. Немного выше летопись сообщает, что «тое же весны (1514 г.) князь велики Василий повеле заложити и зделати церкви каменые и кирпичные на Москве на Большом посаде <...> за Неглинною Леонтий, чуд[о]творец ростовский, да Петр, чудотворец московский и всея Русии, <...> да на Устретенской улице Введенье

¹⁷ Клосс Б. М. Избр. труды. М., 2001. Т. 2. С. 125–126.

¹⁸ «Внегда безбожній Царь Маагмед Гирей <...> хотяху нападнути ко граду Москвъ, предиже себе посла, повеле посады по жеши у града Москвы, и тогда возбрани им Божій промысл сице: еще бо далече града придоша безбожній посланницы, и видеша полны поля безчисленного множества Русского воинства, Татары же видешеи, и велий страх нападе на них, возвратишаися, и трепетни прибегша к Царю своему, сказаша ему многое Руское воинство. Царь же удивиша, и не верно вменяя, и на своих гневашеся, и ярся, и страшливи нарицаше их, и вскоре иных посылает. И шіи шедше, и видеша того сугубейше воинство Руское, и паче первых ужасошаися, и многою боязню одержими прибегоша к Царю, и виденная воинства оба полы (т.е. поджигатели) посадов сказаша ему — Царь же недоумеяша, ведяше бо известно от сущих у него Руских пленников, яко не возможно тако скоро снитися вкупе таковому многому воинству, и третіе посла некоего от ближних своих уведати истинну. И тому шедшу, и узре неисчислное множество Московского воинства, и вельмѧ ужасеся, и трепеща скоро прибежа, и волія: „о Царю! что коснеши? побегнем быстрейше, не вемы аще возможем убежати. Сверепоустремительно бо грядут на нас безмерное множество войска от Москвы“. И тако страх велий нападе на Царя и на всех Татар, и побегоша невозвратно...» ПСРЛ, том XXI. Изд. 1-е. Половина 2-ая. Книга Степенная царского родословия (11–17 степени грани). СПб., 1913. С. 602–603.

¹⁹ «Царь крымской Ахмут Кырий ... пришол месяца июля 27 день в суботу, а в неделю и Оку перевезлися и заставу побил и воеводу князя Феодора поймал, а в понедельник на Москве в осаду в город люди бежали. А князь великий Василий того же дни выступил с Москвы на Волок Ламский, а царь ходил, повоевал до Угреши монастыря святаго Николы, монастырь жжог, у церкви у каменой верх завалился, и мало города Москвы не доходили, и много монастырев пожог и сел и много посече и поплени по Рязанской земли и по Коломенской земли и сюды к Москве, и много зла учинил, а в полон поймал бояр и боярынь и княгинь и детей боярских и крестьян велии много поймал, а по всем городом Московским осада была. А царь стоял на Сиверки 6 дней, а князя великого сила стояла от Литовского, и князь великий послал по силу. Царь же слышав то в 7 день в неделю перешол Оку назад, и за Оку стоял неделю». Из «Владимирского летописца» // Исторические записки. 1945. Т. 15. Л. 240.

²⁰ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 51.

²¹ Постниковский летописец. ПСРЛ (Полное собрание русских летописей). Т. 34. С. 1–13.

Пречистые. <...> А всем тем церквам мастер был Алевиз Фрязин»²². Владимирский летописец сообщает другую важную подробность: «Того же лета (7027 или в 1519 г.) месяца ноября 21 день священна бысть церковь Введение святыя Богородица на Устретенской улицы Варламом митрополитом при великом князи Васильи Ивановиче, а ставили Псковичи переведенные»²³.

Слово «ставили» можно понимать двояко — ставили, в смысле строили своими руками и своими средствами, или же просто являлись заказчиками строительства.

«Псковичи переведенные» были теми представителями псковской знати, которые были взяты под стражу ночью, 24 января 1510 г. и той же ночью вместе с семьями отправлены в Москву²⁴.

Через 45 лет практика переселения псковичей повторилась, правда, в совсем другом масштабе: В 1555 г. «десять семей пскович, подпавших гневу Государеву, свезены в Казань»²⁵, которая, как известно, именно в этот момент нуждалась в квалифицированных строительных кадрах. Потому, есть основание предполагать, что и отец Иоанна Грозного, Василий III при переселении псковской знати в Москву в 1510 г. не упустил возможности приблизить к себе лучших в России строителей. Свидетельством этому является не дошедшая до наших дней, но хорошо известная по фотографиям, церковь Николая Чудотворца на Мясницкой, в которой органично сочетались московские, итальянские и псково-новгородские черты. Подобный облик, видимо, имела и Введенская церковь на Лубянке. Судя по изображениям на планах Москвы, она также имела одну главу и восьмискатную кровлю. Поэтому, мы имеем основание предполагать, что среди псковской общины были церковные мастера — строители, которые иозвели Введенский храм в центре своей слободы на Лубянке под руководством итальянского зодчего Алевиза Нового. Эти факты объясняют и в дальнейшем великолепное

знание «псковичей переведенных» европейской, в частности итальянской архитектуры.

Нет необходимости доказывать, что строительство благодарственных храмов сразу же после каждого значительного события в истории является неотъемлемой частью жизни православной России. Примеров этому множество²⁶.

Поэтому считать, что храм построен в более позднее, «Грозненское» время, как об этом говорит устное предание, не представляется возможным — Василий III не мог надолго откладывать строительство благодарственного храма, не мог оставить разоренным свое «любимое село».

25 Декабря 1522 г. перемирием на пять лет завершилась русско-литовская война 1513–1522 гг. А войско, вернувшееся из Литвы и собранное для отражения нового нападения Мухаммед-Гирея весной 1524 г. отправляется в Казанский поход, который закончился бегством Саиб-Гирея, и возведением на царство в Казань царевича Сафа-Гирея. В августе 1524 г. пришло известие о том, что Мухаммед-Гирея на Дону убили.

Начиная с 1525 г. заново отстраивается Коломна, разоренная тем же татарским набегом, а в память о заступничестве Божией Матери в походе на Смоленск, который сто десять лет находился под властью Литвы, завершившийся возвращением города, в Москве весной 1525 г. основывается Новодевичий монастырь. Потому и строительство Преображенского храма в Острове на ранее введенном основании могло возобновиться, скорее всего, только в 1525 г.

В 1547 г. Иоанн IV принимал в Острове псковичей, следовательно, дворец и храм, без которого царская резиденция была бы немыслима, уже были выстроены. Видимо, из таких предпосылок 1520–1547 гг. датировала строительство храма директор музея-заповедника Коломенское Анна Никифоровна Маракушина (в 1940-е гг. храм

²² Постниковский летописец. ПСРЛ (Полное собрание русских летописей). Т. 34. С. 1–13.

²³ Из «Владимирского летописца» // Исторические записки. Т. 15. 1945. Л. 237 об.

²⁴ «Всего из Пскова было выслано триста семей, и такое же количество московских семей прибыло им на замену. Однако это было только началом переселения. После изгнания группы верхов псковского общества семьи представителей среднего класса были выселены из своих домов в центральной части города, которые затем заняли московиты. Таким образом, у псковичей среднего класса было отнято 6500 усадеб. Нéясно, все ли из них были отправлены в Москвию или кому-то разрешили строить новые дома за пределами города». Вернадский Г. В. Россия в Средние века. Гл. V. Ч. 2. Присоединение Пскова. М., 2000 // Электронная библиотека. <http://gumilevica.kulichki.net/VGV/vgv451.htm#vgv451para02>.

²⁵ Болховитинов Е. А. Сокращенная Псковская летопись // Интернет-сайт «Манархия» <http://www.manarchija.org/pskou>

²⁶ «Того же лета (7022 / 1514) месяца июля ходил князь великий Василей Иванович в третью под Смоленск и стоял под ним два месяца и взял град Смоленск месяца августа 1 день на Спасов день, Происхождение честного креста господня, и во граде Москве князь великий церковь постави святоя Спаса, происхождение честного креста господня и святых мученик Маковей по плоти и учителя их Елеозара и матери их Соломонии, от реки поставлена на рве». Из «Владимирского летописца» // Исторические записки, Том 15. 1945. Л. 232 об.

Преображения в Острове был филиалом ГМЗ Коломенское)²⁷.

Более точные данные опубликовал архитектор-реставратор С. А. Гаврилов. Он пишет, что «упоминавшаяся под 1525 г. в литературе дата закладки церкви Спаса Преображения Господня в государевом селе Остров, вероятно, относилась к деревянной церкви. Хотя такой знаток древнерусской архитектуры, как Н. Н. Свешников считал, что именно так должна датироваться существующая каменная церковь»²⁸. Не вызывает сомнения также гипотеза С. А. Гаврилова о начале строительства церкви Вознесения в Коломенском летом 1528 г. и о продолжительности ее строительства в течение пяти строительных сезонов²⁹.

Путем сопоставления строительных объемов во многом очень похожих храмов, Преображения в Острове и Вознесения в Коломенском, можно предположить, что возведение Преображенского храма в Острове было завершено не позднее 1527 года. Что совпадает с началом строитель-

ства другой церкви Преображения Господа нашего Иисуса Христа с приделы — собора Спаса на Бору в Московском Кремле.

Вернемся снова к деталям. В круглых окнах приделов храма И. Э. Грабарь видит «мотив закомарных раковин Московского Архангельского собора». Отметим также, что сама форма изгиба удивительно красивой формы наличников этих окон поддержана и формой всех трех порталов Преображенского храма. Именно здесь их профили прорисованы одной рукой. Этот «S-образный откос», как его называет А. Л. Баталов, столь гармонично сочетающийся с формой наличников круглых окон приделов Островского храма, повторенный примерно через четверть века в северном и южном порталах Успенского собора Троице-Сергиевой лавры, оказывается там несколько иной родным. Появление в них этого профиля может быть обусловлено заказчиком Успенского собора — Иоанном Грозным, указавшим на порталы храма в Острове, как на образец. Возвращаясь

Храм Спаса Преображения в Острове.
Окно

Храм Спаса Преображения в Острове.
Портал

²⁷ Маракушина А. Н. История с. Остров. Архив ГМЗ Коломенское. Дело № 395. С. 4.

²⁸ Гаврилов С. А. Иконописные аллегории. Примечание 30. 2008 // http://forum.vgd.ru/post/88/16224/p268571.htm?IB2XPnewforum_=nr4nvdqj3qlkl8qlvq02pr4#pp268571

²⁹ Гаврилов С. А. О начале строительства церкви Вознесения в Коломенском. Электронная научная библиотека по истории древнерусской архитектуры «РусАрх». Материалы предоставлены автором, 2009. http://www.rusarch.ru/gavrilov_s2.htm

к теме «романских» арок, упоминаемых в начале статьи, и других романо-готических деталей храма, стоит вспомнить, что самый западный, пограничный город Псков имел и самую тесную связь с Европой. Но не только псковские мастера, которые «от немец пришли навыкши тамо тому делу каменосечной хитрости», могли привнести эти элементы в «псково-московскую» архитектуру храма в Острове. Они могли появиться и в контексте внешнеполитических симпатий Василия III и его окружения.

Н. М. Карамзин очень подробно пишет о том, что в войне с Литвой 1513–1522 гг. «Вторым союзником нашим был Великий Магистр Немецкого Ордена Альбрехт Бранденбургский. <...> Крестоносные Витязи Иерусалимские дружественно простили руку к Великому Князю. Альбрехт прислал в Москву Орденского чиновника, Дириха Шонберга, принятого со всеми знаками уважения. В такое время, когда двор говел и обыкновенно не занимался делами, на первой неделе Великого Поста, Шонберг имел переговоры с Боярами, в Субботу обедал у Государя, в Воскресенье вместе с ним слушал Литургию в храме Успения. Заключили наступательный союз против Короля (Сигизмунда) <...> Условились хранить договор в тайне»³⁰.

После брака Василия III с Еленой Глинской в 1526 г. «дядя новой великой княгини Елены — князь Михаил Львович Глинский <...> стал важной фигурой при велико-княжеском дворе. В думе Глинский занимал третье место после князя Бельского и князя Шуйского». «Елена провела юность в Литве и впитала многие понятия и обычаи западной цивилизации и западного образа жизни». «Михаил Глинский получил блестящее образование и в молодости провел двенадцать лет за границей, в Германии, Италии (где он был обращен в католицизм) и Испании. В течение некоторого времени он служил в армии герцога Альбрехта Саксонского». «Любимым врачом Василия был немец из Любека, Николай Булов»³¹.

Как мы видим, поводов для симпатии к немецкой культуре и для включения в архитектуру храма романо-готических деталей именно

в эпоху Василия III было предостаточно, да и для псковских мастеров они не были чужими.

Тема «романских» арок-машикулей под карнизом четверика храма в Острове могла быть навеяна также и подобными деталями в колокольне Ивана Великого. Построенная Бон Фрязиным в 1505–1508 гг., она послужила образцом для многих творческих разработок русских мастеров в первой трети XVI-го века — в Пскове (Вознесенская церковь-колокольня Снетогорского монастыря 1526–1527 гг.), в Новгороде (церковь-колокольня Григория Армянского в Варлаамо-Хутынском монастыре 1535–1536 гг.), в подмосковном Николо-Пешношском монастыре (Богоявленская церковь под колоколы, датированная

Богоявленская церковь-колокольня
Николо-Пешношского монастыря,
датированная А. В. Ягановым первой третью XVI-го века

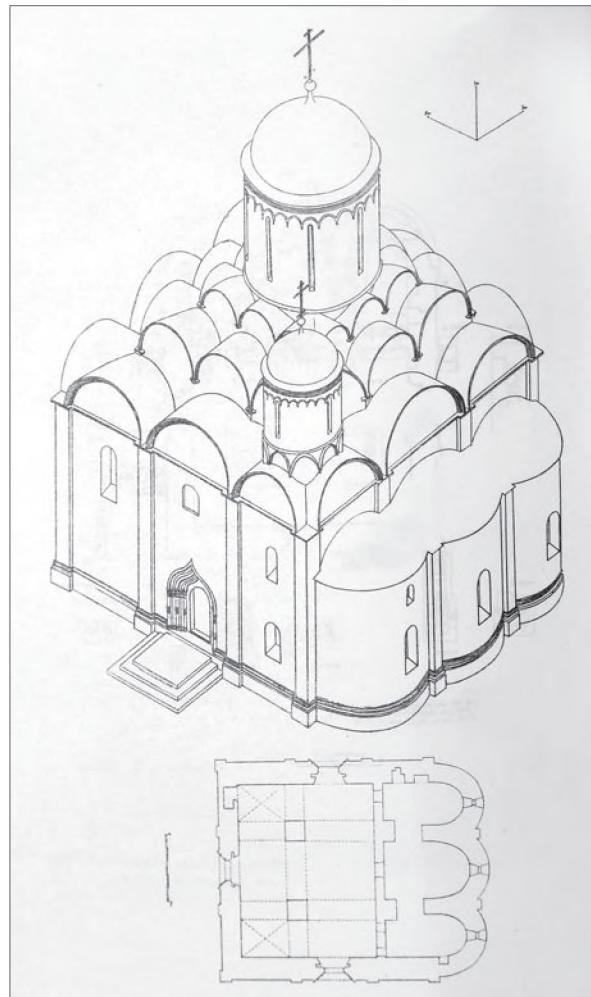
А. В. Ягановым первой четвертью XVI в.), в которой мы видим другой вариант темы «романских арок», но уже килевидной формы.

Об архитектуре приделов Спасо-Преображенского храма в Острове следует сказать особо, поскольку они чрезвычайно архаичны и прототипами имеют ряд построек последней четверти XV в.

³⁰ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 7. Гл. 2. http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Karamz/60.php

³¹ Вернадский Г. В. Россия в Средние века. М., 2000. Гл. V. Ч. 1–4 // Электронная библиотека. <http://gumilevica.kulichki.net/VGV/vgv451.htm#vgv451para02>

Это прежде всего Спасо-Преображенский собор Спас-Каменного монастыря 1478–1481 гг. и особенно Никольский собор Антониева Краснохолмского монастыря, возведенный в 1481–1483 гг.

Никольский собор Антониева Краснохолмского монастыря.
Реконструкция А.М. Салимова

Со вторым, Никольским собором, придельные храмы Иоанна Богослова и Феодосия Великого у Преображенского храма в Острове сближает не только общая композиция верха — три ряда полукруглых кокошников, по три в каждом ряду, но и еще ряд деталей: профиль дуг архивольтов закомар-кокошников, очень простой карниз, состоящий в обоих случаях из четырех обло-

мов — небольшие различия есть только в наборе профилей, и очень узкие лопатки.

«Столь узкие лопатки мы находим в раннемосковском зодчестве — в соборе Троице-Сергиевой

Никольский собор Антониева Краснохолмского монастыря
(а) и придел Феодосия Великого
храма Спаса Преображения в Острове
(б) Сравнение ширины лопаток и профилей карнизов

лавры. <...> Из современников собора узкие лопатки имеют два северных монастырских собора — Ферапонтов и Кирилло-Белозерский, относящиеся также к последней трети XV в. Особенно показателен последний памятник, также отличавшийся большими размерами, массивностью и грузностью форм, отчего его лопатки казались особенно хрупкими»³².

³² Выголов В. П. Никольский собор Антониева Краснохолмского монастыря (последняя четверть XV в.) // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. М., 1991. С. 12–13.

Малый Сион Успенского собора Московского Кремля.
1486 г.

Из четырех перечисленных соборов последней четверти XV в. лишь один — в Краснохолмском монастыре — имеет полукруглые закомары, появившиеся в нем, по-видимому, под впечатлением от только что построенного Кремлевского Успенского собора А. Фиораванти. И вот что особенно важно.

Владимирская икона Божией Матери окончательно была перенесена в Москву в 1480 г. в Успенский собор Московского Кремля сразу же после окончания его строительства, где она

и была установлена на постоянное место, на «десной» стороне иконостаса. С этим событием связывают спасение Москвы от нашествия хана Ахмата. Не является ли это причиной обращения к архитектуре Успенского собора как к образцу собора, в котором находится великая святыня, самый почитаемый образ Матери Божией, обращение к Которой вновь спасло столицу в 1521 г.? А дарохранительница, Малый Сион Успенского собора 1486 г., не явилась ли той моделью, к которому восходит композиция и приделных храмов Острова? Если это предположение верно, то мы получаем более убедительное обоснование и некоторой эклектичности, и разномасштабности деталей основного объема Преображенского храма и его приделов, которые исследователи пытались объяснить то разновременностью их строительства, то одновременным участием в строительстве разных зодчих.

С Никольским собором Краснохолмского монастыря храм Спаса Преображения в Острове связывает еще одна уникальная деталь: карниз главы его шатра имеет рисунок, не встречающийся больше ни в одном шатровом храме, но при этом некоторое подобие можно увидеть на капителях порталов собора Краснохолмского монастыря.

Все перечисленные особенности архитектуры только подтверждают точку зрения Ю. П. Спегальского, относившего Преображенский храм в самому началу XVI в.: «Многие особенности храма в с. Острове дают основания считать его наиболее старым из всех дошедших до нас шатровых храмов по следующим причинам: план, очень близкий к планам предшествовавших церквей с крестообразной основой, слабое развитие восьмерика и шатра, излишне большая величина главки, сохраняющей характер главы обычного, не шатрового храма, и сложность обработки переходов от стен храма к восьмерику и от восьмерика к шатру. От церквей в московском Ивановском монастыре, с. Ильинском и Благовещенском погосте храм в с. Острове отличала (в его предполагаемом первоначальном виде) лишь компо-

новка верха, т. е. введение восьмерика, шатра и сводов, перекрывающих углы»³³.

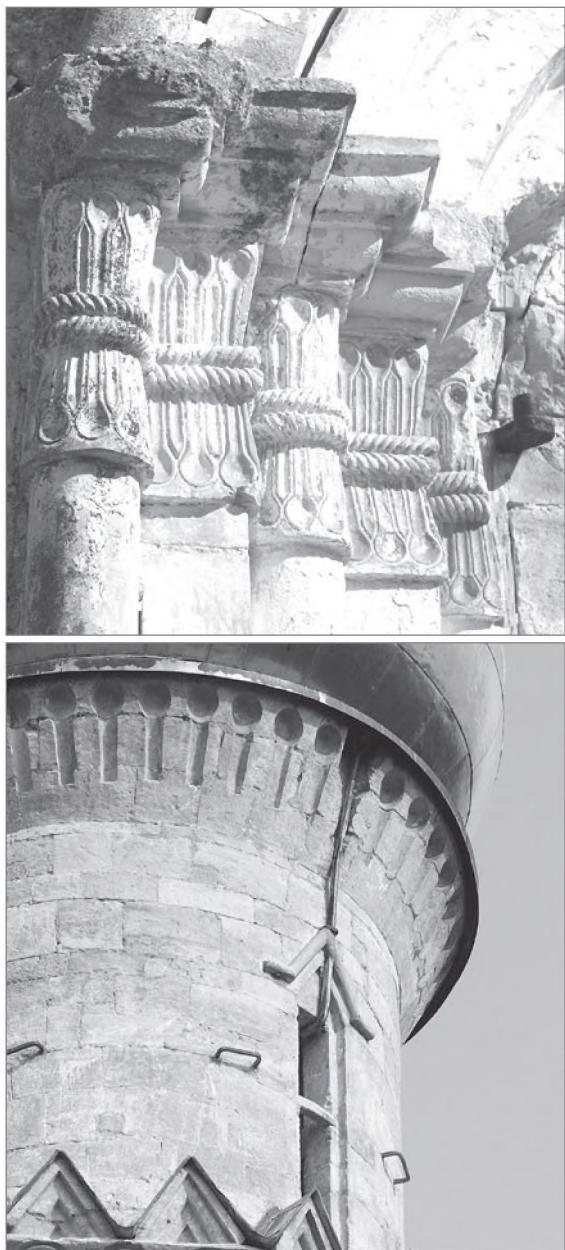
К этому можно добавить, что с перечисленными церквями Ивановского монастыря, села Ильинского и на Благовещенском погосте храм в с. Острове сближает еще и простой лаконичный карниз его приделов. Подобные формы карни-

зов примерно с 1530-х гг. постепенно вытесняются классическим трехчастным карнизов (храмы Кирилло-Белозерского монастыря — Иоанна Предтечи и Архангела Гавриила, 1531–1534 гг.) Близкий к ним по архитектуре Никольский собор Угрешского монастыря, выстроенный заново на старом основании после упоминаемого разорения 1521 г., по стилистическим особенностям может быть отнесен уже к более позднему, по отношению к приделам храма в Острове, времени. Вл. В. Седов датирует Никольский собор 1520–1530-ми гг., и с этим нельзя не согласиться.

Таким образом, стилистический анализ дает нам границы датировки от 1508 г. — окончания строительства Кремлевской колокольни Иван Великого до 1531 г., времени распространения карнизов Алевизовского типа. Особенности архитектуры храма — поворот основного объема по отношению к основанию, вызванный новым посвящением храма и повторной разбивкой оси, и данные археологии, связывают его строительство с событиями 1521 года. Анализ исторических событий по письменным источникам также подтверждает дату начала строительства — 1525 г., упоминаемую Н. Н. Свешниковым, как наиболее реальную. Все это позволяет сделать следующие выводы:

1. Дворцовая церковь великокняжеского села Остров построена в 1525–1527 гг. на основании храма, заложенного в 1520 г.
2. Она является храмом-памятником избавления Москвы от набега Мухаммед-Гирея «предстательством Пречистыя Богородицы и молитвами всех святых» в канун праздника Преображения Господня 6 (19) августа 1521 г.
3. Строили храм не приглашенные из Пскова мастера, а «псковичи, переведенные» в Москву в 1510 г., которые к своему псковскому строительному искусству и каменосечной хитрости «от немец» прибавили еще и опыт работы с гениальным Алевизом Фрязином.

Единственным исследователем древнерусской архитектуры, связавшим строительство храма в Острове с событиями 1521 г., был М. П. Кудрявцев. Так, он писал: «В селе Остров на юге от Москвы, при великокняжеском загородном дворце, была отстроена белокаменная церковь Преображения Господня в ознаменование отхода войск хана Мухамед-Гирея»³⁴.

Капитель портала Никольского собора (а) и карниз главы Преображенского храма (б)

³³ Спегальский Ю.П. Там же.

³⁴ Кудрявцева Т. Н. Памятники Воинской славы в Москве. Текст составлен по материалам картотеки архитектора М. П. Кудрявцева и его книг // Сайт ПОБЕДА.RU. <http://www.pobeda.ru/content/view/977/>

И еще один интересный факт совпадения имен. Известно, что в 1555 г. царский указ повелевал «городовому мастеру Постнику Яковлеву, да каменщикам Псковским Ивашку Ширяю с товарищи <...> новый город Казань камен делать...» Одно из этих имен — Ивана Ширяева — упоминается в летописях в связи в другим храмом, построенном в центре Москвы тем же, уже упомянутым здесь, зодчим Алевизом — храмом Введения Пресвятой Богородицы за Торгом, в Китай-городе: «Тое же зимы [7027–7028], месяца февраля 12, <...> молитвами Пречистыя Девы Богородица Мария, в новосозданнемъ храме честнаго еа Введения, <...> за Торгом, Богъ помиловалъ на молебне своеа пречистыя Матери, исцели Иванову жену Ширяева именем Олену: руку имea скорчену и ногою не владела, и аbie бысть здрава...»³⁵

Нельзя, конечно, исключать, что речь здесь идет о полном тезке Ивашки Ширяя царского указа 1555 г., но уместно будет заметить, что чудо исцеления жены Ивана Ширяева произошло через три месяца после освящения Введенской церкви на Лубянке, которую строили псковичи,

а «мастер был Алевиз Фрязин». Такие совпадения имен встречаются крайне редко. Если предположить, что Постник Яковлев и Иван Ширяев родились примерно на рубеже XV–XVI вв., то на строительстве московских Алевизовских храмов они могли бы быть четырнадцати-двадцатилетними подмастерьями, познающими тонкости псковского и «фряжского» строительного искусства, а ко времени Казанского похода быть уже опытными и признанными мастерами, которым немного за пятьдесят. Только таким и можно было поручить выполнение важнейшей государственной задачи — строительство новой крепости в Казани. А неоднократно проводимые параллели в построении архитектурных форм храма Спаса Преображения в Острове и храмов Троицы и Покрова на Рву позволяют предполагать, что храм в Острове и есть одна из наиболее ранних построек Постника Яковleva.

И эта гипотеза разрешает многие сложные и спорные вопросы истории русской архитектуры первой половины — середины XVI в. Но об этом — в следующих публикациях.

³⁵ Львовская летопись. ПСРЛ. Т. 4 Рязань, 1999. С. 515.

